«Революционные» поколения: между «жаждой земли» и модернизационными вызовами

Рецензия на книгу: Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. А. (2025). Российская деревня первой трети XX века: поколение «революционного перелома». М.: Квадрига. — 504 с.

В. П. Николашин

Вадим Павлович Николашин, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 181к.
E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

EDN: ZBUTYU

Социально-экономический анализ положения дел в российской деревне в конце XIX — начале XX века позволяет сделать вывод о предкризисном ее состоянии. «Догоняющая», задержанная модернизация страны объяснялась в основном тем, что крестьянство являлось наиболее массовым слоем населения. Сохранявшиеся в деревне нормы, практики дореформенных экономических отношений, институты обычного права тормозили интенсификацию сельскохозяйственного производства. И именно на подрастающее поколение крестьянства должны были лечь основные тяготы по разрешению потенциального экономического и политического кризиса, становлению новых производственных отношений в России.

В коллективной монографии «Российская деревня первой трети XX века: поколение “революционного перелома”» проведен подробный анализ процесса включения младших поколений сельских жителей России в ход отечественной модернизации. Для этого в рамках исследования применяется достаточно широкий набор методологических подходов, включая историческую антропологию, историческую психологию, просопографию, крестьяноведение и др. Представленные в монографии материалы и документы помогают в осмыслении малоизученных в рамках заявленной тематики феноменов, отражая палитру сюжетных поворотов в жизни крестьянской молодежи поколения «революционного перелома» (1885 — начало 1900-х годов рождения) и «революционного поколения» (1905–1930-е годы рождения). Эта коллективная монография, по сути, является фундаментальной работой, которая концентри-

рует потенциал для дальнейшего углубленного исследования социально-экономических и общественно-политических процессов российской деревни через призму поколенческой истории, в том числе на мезо- и микроуровнях.

Трудность, которая стояла перед авторами коллективной монографии, заключалась в возможности мобилизовать корпус источников, которые бы в достаточной мере могли раскрывать положение и деятельность поколения крестьян, родившихся в 1885 — начале 1900-х годов, отражать их «включенность» в процессы эпохи социальных, политических и военных потрясений первых десятилетий XX века. Зачастую по целому ряду причин в первичных источниках не указывается возраст акторов, принимавших участие в общественно-политических погромных акциях. Однако авторам исследования удалось выявить целый комплекс таких документов, посвященных теме участия детей и подростков (в том числе с указанием возраста) в погромах помещичьих усадеб в 1905 году (с. 98, 100).

Жизненные стратегии крестьян на рубеже XIX–XX веков, оказавшихся за чертой бедности или же искавших выход в отличном от общепринятого в общине образе жизни, зачастую предполагали путь в города в качестве отходников. Именно они и становились источником социального радикализма деревни. Город для них становился «школой жизни». Но важно учитывать и то, что независимость и потенциальный бунт в целом характерны для молодежи на этом жизненном этапе[1].

Вместе с нарастанием уровня социального напряжения в деревне начала XX века происходил поступательный переход от пассивных к активным формам борьбы крестьян с крупными землевладельцами. Эти акции и становились первым опытом включения молодежи в такую борьбу. Формативным периодом для поколения «революционного перелома», как отмечают авторы монографии, стала эпоха Первой русской революции 1905–1907 годов. Именно тогда, еще детьми, они получили возможность соприкоснуться с аграрным протестом как формой заявления собственных позиций и решения экономических задач общинами. Принципы «моральной экономики», справедливости (в крестьянском понимании), сплочения расширяли потенциал и уровень погромных настроений в деревне.

По нашему мнению, эпоха деятельности поколения «революционного перелома» может быть расширена до 1902 года. Аграрное движение 1902 года проходило на глазах «ранних представителей» (некоторым из них в это время могло быть 16–17 лет) этой социальной группы. В частности, это касалось крестьян, проживавших на ряде территорий Курской, Воронежской, Тамбовской губерний и др. (пусть это и были отголоски более широких выступ-

1. *Хобсбаум Э.* (2020). Бандиты. М. С. 49.

лений в Полтавской и Харьковской губерниях). Безусловно, такой подход усложняет стройность, структурированность, общую логику исследования, но он позволяет выявить более ранние «ростки» протестности в среде подрастающего поколения.

В дальнейшем революционные события 1905–1907 годов, Первая мировая война, а затем события 1917 года, социокультурная активность большевиков открыли новые возможности для эмансипации крестьянской молодежи, интеграции в политическую жизнь страны.

В монографии поднимается и находит достаточно широкое освещение вопрос рецепции революционных идей в деревне. Имеются материалы, которые позволяют сделать выводы о том, на какие крестьянские взгляды они опирались. В частности, представлен сюжет о встрече жителя с. Спасского Оренбургской губернии И. Филатова с агитаторами и чтении брошюры «Пауки и мухи» (с. 139–140). Этот пример показателен. Также представлено описание встреч в банях и в удаленных местах агитаторов с крестьянами. Но, как отмечается в одном из материалов монографии, «Капитал» К. Маркса крестьянам не поддавался, им требовалась школа рабочей молодежи для усвоения сложных политических идей и социальных моделей (с. 191).

Авторы монографии отмечают коллективизм общин в принятии решений о погроме имений («Куда мир, туда и я, мне от мира нельзя»). И здесь возникает вопрос: дети и молодежь в данном случае становились слепым орудием в руках старшего поколения или все же могли выступать в качестве инициаторов пассивных форм борьбы с помещиками? Видимо, здесь имела место некая эволюция, поступательное накопление протестного опыта. Именно поэтому интересно рассмотреть в динамике взгляды детей-погромщиков 1905 года, их деятельность в 1920-х годах, определить поведенческие модели в ходе крупных крестьянских выступлений (например, в Тамбовской губернии, в Западной Сибири и др.). А также выявить возраст осознанного участия в революционных процессах.

При этом, как отмечают авторы монографии, внутри одного поколения существовали различные когорты, субпоколения. Этот тезис особенно значим, так как позволяет прийти к более глубокому осмыслению событий, развернувшихся в российской деревне в ходе Гражданской войны. Приведем один пример. В Тамбовской губернии в среде молодежи в годы «Антоновского восстания» сформировались как минимум две поколенческие когорты, которые оказались по разные стороны условного фронта борьбы большевиков и повстанцев. Среди первых были, прежде всего, комсомольцы и представители советских и партийных органов, в антисоветском лагере оказывались члены семей повстанцев, отходники, дезертиры, вернувшиеся из армии демобилизованные солдаты.

Данные исследователей «Антоновского восстания» демонстрируют, что основную массу повстанцев составляли крестьяне в возрасте 25–35 лет[2], т.е. среди них были и «ранние представители» поколения «революционного перелома». Это подтверждают и архивные данные, где сообщается, что в числе повстанцев были и те, кому было двадцать три года в 1921 году[3]. Более того, для некоторых поручений «антоновцы» привлекали молодежь с 18 лет[4]. В 1921 году по заявлению комвойска Тамбовской губернии «порядочная, если не большая часть бандитских шаек состояла из “зеленой молодежи”»[5].

Э. Лэндис объясняет такую ситуацию тем, что молодым крестьянам участие в движении повстанцев доставляло моральное удовлетворение. Кроме того, это позволяло решить ряд материальных проблем путем грабежа «советских складов и хозяйств»[6]. Л. Виола называет данный процесс «архаичной формой протеста против нового порядка и его институтов»[7].

На другом полюсе «Антоновского восстания» находились просоветские силы. И особое место здесь занимал комсомол. Деятельности этой молодежной организации авторы монографии уделяют большое внимание, выделяя ее роль в формировании советского человека. Еще в 1919 году в резолюции по работе коммунистического союза молодежи в деревне отмечалось, что «работа среди РКСМ для крестьянской молодежи является одним из главных условий осуществления полного политического завоевания деревни»[8]. Это было важно и в период Тамбовского восстания, когда работа в молодежной среде приобретала «вербовочно-агитационной» характер[9] и такие формы, как борьба с «подпольной контрреволюцией»[10], несение сторожевой службы[11], борьба с дезертирством, участие в продотрядах и т.д.

---

2. *Иванов Д. П.* (2009). Предпосылки и мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг.: микроисторический подход. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тамбов. С. 24.
3. Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 1812. Л. 227 об.
4. Государственный архив общественно-политической истории Тамбовской области (далее — ГАСПИТО). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1037. Л. 32 об.
5. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 467. Л. 2.
6. *Новикова Л. Г.* (2013). Рецензия на книгу: Landis E. C. Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2008 // Российская история. № 1. С. 217.
7. *Виола Л.* (2010). Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Российская политическая энциклопедия. С. 219.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 5. Д. 15. Л. 11.
9. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 467. Л. 2.
10. ГАСПИТО. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 139. Л. 56.
11. ГАСПИТО. Ф. П-1205. Оп. 1. Д. 139. Л. 65-об.

Таким образом, даже в тамбовской деревне в период восстания существовало минимум две когорты-антагониста, мировоззренческие модели которых были полярно противоположными. И в дальнейшем, уже после подавления восстания, крестьяне сохраняли двойственность сознания. Так, верой в Бога характеризуется подавляющая часть населения, даже несмотря на активную антирелигиозную пропаганду большевиков. Об этом свидетельствуют и данные Всесоюзной переписи населения 1937 года, приведенные в монографии (с. 232). Но в то же время привнесенные советской властью социокультурные нормы и практики причудливо трансформировались и интегрировались в советские реалии.

На фоне отраженных выше социальных противоречий в деревне 1920-х годов наблюдались не только негативные процессы, но и социально-экономическая модернизация, где молодежь играла важнейшую роль. Ввиду этого сфокусируемся на созидательном потенциале советских новаций, включенности в данный процесс поколения «революционного перелома» и «революционного поколения». С одной стороны, это открывало новые возможности для молодежи, повышало ее социальную мобильность и давало возможность ее представителям повышать свой социальный статус. С другой стороны, нарастал модернизационный, цивилизационный потенциал деревни. Авторы коллективной монографии, не выделяя данный сюжет в отдельную главу или раздел, акцентировали внимание на данном вопросе.

После завершения Гражданской войны большевики развернули широкую программу по привлечению молодежи «на свою сторону», стремясь оторвать основную ее часть от традиций «отцов». С одной стороны, это осуществлялось в 1920-е годы посредством организации вступления сельской молодежи в ряды пионерии и комсомола, и даже поощрения приема в РКП(б) «крестьян от сохи». С другой — это был путь поступательного вовлечения молодых крестьян в новые реалии, приобщения к советским ценностям. В деревне была развернута целая сеть организаций: школы, избы-читальни, клубы и т.д. Читались газеты, все больше распространялось радиовещание, появилось кино. Важную роль в процессе формирования «нового человека» начинало играть развитие советского просвещения, агитации и пропаганды. Появлялось все больше «писем во власть» от деревенской молодежи, многие из которых публиковались в «Крестьянской газете».

Практические навыки и опыт работы на современных аграрных машинах, развитие других технических навыков происходило в рамках обучения новым для деревни профессиям в коллективных и советских хозяйствах. Также повышение уровня технической грамотности осуществлялось на специализированных курсах. В качестве примера можно отметить подготовку трактористов-рулевых в Курской губернии, которая проводилась в 1926–1927 годах. На данные курсы в первую очередь привлекались представители

коллективных и кооперативных объединений. Преимущество отдавалось «достаточно грамотным», окончившим сельскую школу и, по возможности, владевшим кузнечным делом и другим ремеслом по обработке металла[12].

Все это — детали довольно широкой картины социокультурной модернизации деревни при участии молодежи, которую разворачивают перед читателем авторы монографии о российской деревне первой трети XX века, убедительно показывая, насколько важная роль во всех этих процессах принадлежала комсомольцам.

Как отмечают историки, один из наиболее успешных способов обучения крестьян, который сами «обучающиеся» часто предпочитали другим, представляла собой «карнавальная» методика. Эта работа, как правило, «дополнялась... читкой вслух присланных из центра текстов лекций», хотя не всегда сложный материал был понятен «самим новоиспеченным “лекторам”» (с. 205).

Члены многих комсомольских ячеек считали важным делом привлекать крестьян-передовиков к работе в «сельскохозяйственных товариществах, кружках, секциях» (с. 238). Немаловажным считалось и развитие навыков чтения и привычки читать — как газеты, так и книги. Считалось, что «читать — значит, думать с кем-нибудь, создавать собственные мысли при помощи мыслей чужих...» (с. 238). Авторы монографии приводят и еще один яркий пример борьбы комсомола с безграмотностью: «На VIII съезде ВЛКСМ специально заседание посвятили участию молодежи в культурной революции. Каждый грамотный комсомолец обязывался найти одного неграмотного и обучить его читать и писать» (с. 239–240).

Особое место в формировании «нового человека» в деревне занимала советская периодическая пресса, а также стенгазеты, которые «будоражили общественное мнение, их заметки нередко становились поводами к обсуждению на сельских сходах» (с. 239).

Среди газет, содержавших практические советы для ведения крестьянского хозяйства, выделялась «Пионерская правда». В ней с 1926 года появилась рубрика «Пионерская деревня». Здесь была информация про содержание скота, посадку и сбор урожая и т.п. (с. 207). В других изданиях внимание крестьян привлекали рубрики «Советы крестьянину», «Быт деревни», ответы на вопросы крестьян (с. 239).

Другими, более понятными способами донесения информационных посланий для деревни были различные постановки, попытки влиять на народное творчество, фольклор. По свидетельству авторов, «в деревнях ставились антирелигиозные пьесы (например, “Кто помог: агроном или Бог”)...» (с. 222). В народе ходила частушка: «Совхозами, колхозами / И трактором стальным / При помощи безбожия / Коммуну создадим» (с. 218). А «рупорами» таких строк становились зачастую свои же комсомольцы-гармонисты.

12. Государственный архив Курской области. Ф. Р-583. Оп. 1. Д. 884. Л. 2.

В целом же, обобщая опыт социокультурного развития деревни в 1920-е годы, специалисты по методикам политической пропаганды приходили к выводу, что для просвещения крестьянства «не годятся лекции, создающие предпосылки для “ненужных дискуссий”, малограмотным слушателям тяжело слушать длинные и непонятные доклады. Для отвлечения детей в праздники советовали проводить игры, в крайнем случае — легкие уроки» (с. 223).

В 1920-е годы большевики, проводя просветительскую и образовательную политику в деревне, особое внимание уделяли антирелигиозной пропаганде. При этом председатель детских коммунистических групп Тамбовской губернии Б. Брюханенко довольно тонко подмечал, такую пропаганду среди детей нужно «углублять, не проводя кампаний, но наталкивая лишь детей на размышления о правильности религиозных учений и верований, о явлениях в природе, как гром и молния и проч., объясняя летние деревенские праздники, носящие полуязыческий характер» (с. 204). В 1924 году он требовал от председателей уездных и районных бюро юных пионеров «обратить внимание на изучение естествознания как на один из методов антирелигиозной пропаганды» (с. 204–205).

На IV съезде РЛКСМ, проходившем в сентябре 1921 года, также отмечалось, что для реализации данного курса комсомольские организации должны перейти в «практическую плоскость», противопоставить знания в сфере сельского хозяйства и религиозные верования. В частности, подчеркивалось, насколько важной была задача увязать «изучение естественных наук с практической работой по агрономической пропаганде в целях “закрепления безверия”» (с. 249).

Пока риторика комсомольцев и пионеров не увязывалась в умах крестьян-прагматиков старшего поколения с некой практичностью, возможностью получить от всего этого какую-то пользу здесь и сейчас, основная масса селян воспринимала их критически и даже враждебно. Но по мере того как их деятельность стала приносить некоторую пользу, в деревне стали прислушиваться к их советам. Как отмечают авторы монографии, крестьяне, по советам комсомольцев, сэкономленные на религиозных требах и праздниках средства начали тратить на хозяйственные нужды, например, возведя мост через реку и приобретя в общее пользование быка-производителя в Усть-Ваге Архангельской губернии (с. 253).

В целом проводимая советской властью в деревне политика просвещения имела значимый эффект для новых поколений крестьян. Авторы монографии обращают внимание, что впоследствии комсомольцы стали редакторами газет, адмиралами, генералами, партийными работниками, производственниками и т.д. (с. 197). Также и селькоровское движение, став важнейшим институтом нэповской деревни, позволило воспитать целый ряд советских писателей (с. 239).

В середине 1920-х годов под влиянием провозглашенной советской властью политики «лицом к деревне» начали формироваться условия для расширения крестьянских свобод в области социальных, экономических и религиозных отношений. Об этом пишут и авторы монографии. Но дальнейшие события, связанные с коллективизацией и раскулачиванием, остановили данный процесс. Все без исключения страты деревни столкнулись с новыми и тяжелыми, отличными от реалий НЭПа условиями жизни и труда.

В то же время, рассматривая исторический опыт 1920-х годов в «позитивной проекции», с позиции возможностей «мобилизовать» исторический опыт для решения современных проблем, встающих перед молодежными сообществами, необходимо дефрагментировать как негативные явления, так и те процессы, что способствовали повышению уровня знаний и технической грамотности крестьянства. Приходившие на смену социальной агрессии времен Гражданской войны поведенческие модели трансформируются в нормы трудовой этики и отчасти энтузиазм.

Большая заслуга авторов рецензируемой коллективной монографии состоит именно в такой постановке вопроса, а также в том, что приведенные в книге материалы оказывают историку существенную помощь в поиске ответа на этот непростой вопрос. Исследователи сумели представить целостную научную работу, в которой достаточно четко отражено место поколения «революционного перелома» и «революционного поколения» в процессе становления преобразования российского общества в течение первых трех с лишним десятилетий XX века. Несмотря на социальные, политические, военные и другие потрясения, молодые люди той эпохи сумели сохранить моральные ценности, интеллектуальные ресурсы для того, чтобы повести за собой следующие поколения и, главное, выдержать удар со стороны внешних врагов, в дальнейшем передав «эстафетную палочку» новому поколению для восстановления и модернизации страны уже во второй половине XX века.

“Revolutionary” generations: Between “thirst for land” and modernization challenges

Review of the book: Bezgin V. B., Vyazinkin A.Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. A. Russian Village of the First Third of the 20th Century: Generation of the “Revolutionary Turning Point”. Moscow: Quadriga, 2025. 504 p.

Vadim P. Nikolashin, DSc (History), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Sovetskaya St., 181k, Tambov, 392008, Russia. E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru